

ВАЛЕРИЙ РЫЖЕНКО

СУХОЙ ДОЖДЬ

РАССКАЗ

Она смотрела на Виктора Степановича с фотографии на гранитном памятнике. Пошёл мелкий, подсекаемый ветром дождь.

Той ночью тоже шёл дождь: шумный, давящий и нагнетающий одиночество. Виктор Степанович несколько раз прикладывался к дивану. Сон, скользнув несколькими секундами, не задерживался. Он вышел из квартиры. На улице слякотно и холодно. Промёрзлые деревья и жёлтый свет фонарей. На автобусной остановке, похожей на сторбившуюся беседку, он увидел на деревянной скамье сжавшийся шевелящийся комок.

— Автобусов больше не будет, — сказал он комку.

Комок развернулся: девушка лет восемнадцати.

— Пойдём, — бросила она, вставая и пошатываясь.

— Куда?

— Разве ты не за этим пришёл? Здесь не согреемся. Да и мокро. В постельке тепло.

Из-за угла дома рванул хлесткий ветер, закручиваясь в вихрь и подметая разбросанные окурки.

— Пьяная? Иди домой.

— Куда?

По лицу мелькнула скошенная улыбка, она встала, потом снова рухнула на скамью и сжалась.

— Ты что, спятил? Разве не видно, что у меня нет дома. Вернее, он есть, — тускло протянула она, — но в нём живут беленькие, а я чёрненькая...

РЫЖЕНКО Валерий Андреевич родился 10 июля 1944 года в посёлке Фрунзе Луганской области. Закончил Высшую краснознамённую школу КГБ при Совете Министров СССР имени Ф. Э. Дзержинского. Работал в органах. В настоящее время на пенсии.

Порывистый ветер рвал, нагоняя холод. Она поплотней сжималась в комок. Виктор Степанович хотел снять куртку и накрыть её, а дальше что?

— Ты из этих? — спросил он.

— Да. Закурить найдётся?

Сделав две затяжки, закашлялась.

— Букетная я. Алкоголичка, наркоманка и проститутка, — отбивала она. — А как угадал: ты из этих? У тебя что, свои такие?

— Вот что, — немного подумав, сказал Виктор Степанович, не отрывая взгляд от её мокрого лица, то ли от дождя, то ли от слёз — трудно было понять, спутанных волос. — Пойдём ко мне. Выспишься в сухой постели.

— Один?

— Один.

— Понятно, — насмешливо протянула она. — Погулять с молодой захотелось. Плату за ночлежку чем будешь брать? Натурой? Я и за дозу, и за водку, и таксистам всегда расплачиваюсь ею. Сейчас я на взлёте. Молодая. Не боюсь. Нарасхват. А когда постарею... Говорят: к старости нужно готовиться, чтобы выдержать её и не загреметь раньше. Надеюсь, что много не протяну.

Спокойно. Обыденно. Не раз обдуманно.

Ветер усиливался. Виктор Степанович взял её под руку. Она засмеялась.

— Обычно мужики за другое берутся.

Дома в ванной она выжала мокрые волосы: густые, белокурые, растёрла махровым полотенцем, просушила феном, небрежно перекинула через левое плечо на грудь и потребовала водки.

— Водку не обещал.

— Как так на сухую? Скучно.

— А вот так.

— Тогда пойдём со мной спать, — бросила она, оцупывая внимательным взглядом его лицо и фигуру. — Хоть какое-то удовольствие получу. Да и ты тоже. На халяву. Если хочешь, я и подружку приглашу. — Она помолчала, а потом добавила: — Жизнь должна быть, как бесконечный секс с постоянным оргазмом. Согласен переспать?

— Да, только без подружки. Иди в маленькую комнату, раздевайся, а я сейчас приду. Сполоснись вначале.

Виктор Степанович ушёл на кухню, подождал, а потом направился к комнатке, она лежала раздетая, свернувшись в клубок, как на скамье в автобусной остановке, но, услышав шаги, быстро перевернулась на спину.

— Свет выключи. При свете не люблю.

Виктор Степанович щёлкнул выключателем и вышел. Вынув ключ из кармана, защёлкнул дверь.

— Спи. Через окно не вылезешь. Там решётка. Дверь не сломаешь.

— А я возьму сейчас и позвоню в полицию, — закричала она. — Скажу, что ты меня силой затащил и изнасиловать хочешь. Гони бабки. Тогда звонить не буду.

— Звони.

Бешеный стук в двери.

— Придурок!

— Закрой рот, а то выпорю.

— Голой будешь пороть?

— Нет. Вначале одену.

Утром он открыл комнатку.

— Извини за вчерашнее.

— Бывает.

— Не удержался.

Отметил про себя: симпатичная. Она молча прошла в душ, сполоснулась, вышла на кухню. Он хотел поставить чайник, она перехватила.

— Сама. Чай я хорошо завариваю. А в холодильнике можно пошарить?

— Шарь.

Она сделала горку бутербродов.

— Я удивлена. Впервые за несколько лет, правда, их немного, я спала одна без мужчины. И впервые вижу мужчину, который не захотел на халяву переспать со мной.

— Ты не болтай, пей чай и ешь.

— Так не пойдёт.

Она встала, пошла в большую комнату и, притащив вазу с цветами, поставила на стол.

— Хорошо у тебя. Тепло, чай, цветы.

Она дёрнулась лицом.

— Не нить, — бросила Виктор Степанович. — Я слёзы не умею вытирать.

— По тебе видно, что не умеешь. — Она помолчала. — Возьми меня замуж. Я и наркоту брошу, и водку, и проституцию. — Она помолчала. — Тебе легче. У тебя, наверное, и пистолет есть. Не захотел жить — приложил к виску... А мне? Повеситься? Как представляю, что вишу с высунутым языком и чёрным лицом, так дрожь берёт. Под машину броситься или с этажа выкинуться — калеккой могу стать. Я часто представляла, как бросаюсь с высокого этажа. Секунды полёта, но в эти секунды я бы кричала? Жить, жить...

В глазах появились слёзы.

— Как вырваться? Бросить наркоту не получается.

— Получится, если захочешь. Главное — желание.

— Да где же его взять, — тихо ответила она. — У нас в городе почти всё такие. — Слушай. Ночью я обшарила твой гардероб. У меня привычка такая. Нужно утянуть что-нибудь, чтобы продать и купить соль. Это наркотики так мы называем. Ты бывший военный? По мундиру определила.

— Тебе не по гардеробам нужно шарить, а лечиться.

Она насмешливо улыбнулась.

— Родители пробовали. Напрасно бабки потратили. Может, ты сторонник пристегнуть меня наручниками к батарее? Давай. Я после освобожусь и заяву в полицию кину. — Она засмеялась. — Закон на нашей стороне. И полиция с нами. И...

— Знаю, — перебил Виктор Степанович. — А ты на какой стороне?

— На той, на которую такие, как ты, поставили, — зло сказала она. — Пока вы в свои войны играли и за долларами гонялись, мы свою империю создавали взамен старой.

Виктор Степанович промолчал.

— Понимаешь, — начала она. — Нам нужна кайфовая, а не кайловая жизнь, а вы её сделать не можете. Раньше — от родителей слышала — были пионеры, комсомольцы. Кайфовали выше макушки. “А я еду, а я еду за туманом, — запела она, — за туманом и за запахом тайги...”

Её молчание продержалось недолго.

— У меня есть идея, как вылечить меня. Ты — бывший военный и воевал, наверное. Страшно было?

— Дуракам только не страшно.

— Я по фильмам знаю, что страшно. На войне только и думаешь, как бы выжить. Другие мысли в башку не лезут. У тебя и друзья, и связи остались, наверное. Направь меня, как там говорят, в горячую точку. Там я точно излечусь. Мне некогда будет думать о наркоте. Убьют. Ну и что? На одну наркоманку, алкоголичку и проститутку меньше станет. Доброе дело сделаешь. А то когда-нибудь я и подохну неразвернувшимся клубочком под сухим дождём.

— Сухих дождей не бывает.

— Это у таких, как ты, не бывает. Поможешь? Я серьёзно. Если сейчас не можешь ответить, то потом позвони.

Она нацарапала на салфетке номер мобильного телефона.

— Позвонишь?

— Ты что, действительно хочешь, чтоб я тебя отправил?

— Да. Позвонишь?

— Позвоню.

— А чтоб ты не забыл обо мне, давай сделаем перестановку в маленькой комнате, в которой я спала.

Она направилась в комнату. Виктор Степанович за ней. Он таскал кресла, диван, столы под её одобрение: хорошо, чудесно, а диванчик косо стоит, а кресла...

Виктор Степанович не мог сам себе объяснить, почему он так поступает, но ему нравилось выполнять её команды. Порой у него мелькала мысль, что она врёт о себе. Никакая она не алкоголичка, наркоманка, проститутка. С блестящими глазами. Улыбкой на лице, задорным голосом, рассыпчатым смехом, извинениями за неловкость... Она словно летала по комнатке, переставляя цветы с вазами, перевешивая картины... Живая, и Виктору Степановичу казалось, что всё, к чему она прикасалась, как бы дышало, светлело... В комнату будто ворвалось солнце, но его лучи, падая на неё, отражались тенями на полу, на стенах...

Запыхавшись, она присела на диван и, глядя на Виктора Степановича блестящими глазами, сказала:

— Представь себе, что это загс. На полу красная дорожка. Я в белом, красивом подвенечном платье, а ты при параде. Мы идём расписываться. Цветы. Музыка. И я твоя жена. — Она замолкла и внимательно посмотрела на него. — Возьми меня замуж, — тихо сказала она. — Брошу наркоту, проститутцию, водку. Я так хочу счастья. Счастья, — повторила она, поднялась и направилась к двери. — Держи эту картинку в памяти, а я буду ждать. Позвони.

Хлопнула дверь. Ушла.

Виктор Степанович походил по комнате. Побормотал: чушь, ерунда, секундная вспышка. Забыть. И он забыл.

Виктор Степанович ещё раз посмотрел на фотографию, ему показалось, что она улыбнулась и прошептала: что ж ты не позвонил? Эх ты!

Встав с лавочки, направился к машине за оградой кладбища. Он чувствовал свою причастность к её смерти.

С тех пор у него появилась привычка каждый месяц приезжать на кладбище к её памятнику. Особенно в дождливую, ветреную погоду. Он словно наяву видел её блестящие глаза, слышал задорный голос, рассыпчатый смех, который подхватывали дожди и ветры и разносили по всей округе.